

УДК 316.334.3

МНОГООБРАЗИЕ ТИПОВ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОДХОДЫ К ИХ ИЗУЧЕНИЮ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются новейшие типы экономических систем, в частности виртуальная, зеленая, интеллектуальная, информационная, когнитивная, нарративная, наукоемкая, ноосферная, поведенческая, сетевая, системная, умная, цифровая экономика, а также экономика гламура, экономика знаний, экономика интернета, экономика постзнаний и др. Анализируются взаимосвязи указанных типов экономических систем. Определяются возможности политэкономии и экономической социологии для изучения сложного феномена новой экономики. Обосновываются следующие выводы: сегодня в Беларуси активно развивается новая экономика (прежде всего интеллектуальная, информационная, сетевая, умная и цифровая экономика, а также экономика знаний); наиболее перспективным для Беларуси является развитие интеллектуальной экономики; интеллектуализация отраслей производства и социальных сфер жизни белорусского общества должна сопровождаться мерами по индустриализации и реиндустриализации промышленности и сельского хозяйства, а также по ускоренному развитию культуры, науки и образования.

Ключевые слова: новая экономика и ее типы; интеллектуализация производства и общества; интеллектуальное государство; политэкономия; экономическая социология.

DIVERSITY OF TYPES OF NEW ECONOMY AND APPROACHES TO THEIR STUDY

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaya Street, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The article discusses the latest types of economic systems: virtual, green, intellectual, information, cognitive, narrative, knowledge-intensive, noospheric, behavioural, network, systemic, smart, digital, glamour, knowledge, Internet, post-knowledge economies, etc. The relationships of these types of economic systems with each other are analysed. The possibilities of political economy and economic sociology for studying the complex phenomenon of the new economy are determined. The following conclusions are substantiated: today a new economy is actively developing in Belarus (primarily intellectual, information, network, smart, digital, knowledge economies); the most promising type of new economy for the further development of Belarus is the intellectual economy; the processes of scientific learning and intellectualisation of various branches of production and social spheres of life of Belarusian society that underlie the intellectual economy should be complemented by the measures for industrialisation and reindustrialisation of its industry and agriculture, and accelerated development of culture, science and education.

Keywords: new economy and its types; intellectualisation of production and society; intellectual state; political economy; economic sociology.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Многообразие типов новой экономики и подходы к их изучению. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:21–31.
EDN: WXOMXT

For citation:

Shcherbin VK. Diversity of types of new economy and approaches to their study. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:21–31. Russian.
EDN: WXOMXT

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher.
shcherbin5353@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

Многообразие типов новой экономики

По мнению китайского профессора Лу Юнсяна, «в истории человечества можно выделить эру аграрной экономики, которая продолжалась несколько тысячелетий, эру индустриальной экономики, начавшуюся около 300 лет назад, информационную эпоху, в которую мир вступил в 80-е годы XX в., и эру наукоемкой экономики, начало которой относится к 90-м годам XX столетия и связано с активизацией развития науки и техники» [1, с. 338]. В работах исследователей XXI в. наукоемкую экономику чаще всего называют новой экономикой [2–4]. При этом в качестве ее составляющих отдельные экономисты выделяют целые группы экономических систем, которые имеют свою специфику.

Белорусские экономисты М. М. Ковалёв и Г. Г. Головенчик под новой экономикой понимают явления и процессы, характерные для современной экономики, или, как говорят китайцы, для новой реальности. Речь идет прежде всего о цифровой, инновационной, сетевой, устойчивой и глобальной экономике [4, с. 16].

Теория новой экономики начала формироваться в конце XX – начале XXI в. Российский экономист Б. Б. Леонтьев отмечает, что новая экономика имеет информационно-телекоммуникационную базу, т. е. является информационной экономикой. Информация, как экономический ресурс, приобретает все более важное значение. Сегодня «активно формируется интернет-экономика – рыночное сообщество, основанное на интернете: появились интернет-торговля, интернет-реклама, интернет-инвестирование и т. д.» [3, с. 185].

Академик НАН Беларуси В. Г. Гусаков под новой экономикой подразумевает в первую очередь интеллектуальную экономику. По его мнению, «наукоемкость, как база интеллектуализации экономики, выступает причиной и следствием формирования высоких технологических укладов» [5, с. 5]. В. Г. Гусаков убежден в том, что «общенациональной идеей может и должна стать идея построения интеллектуальной экономики и высокоразвитого высокодуховного общества» [6, с. 21]. Экономике знаний следует трансформировать в экономику интеллектуальных систем и технологий, электронных коммуникаций и социальных сетей.

В свою очередь, академик РАН С. Ю. Глазьев новой экономикой называет экономику знаний, содержание которой кардинально отличается от содержания экономики материальных благ [7, с. 54].

Для главного экономиста Организации экономического сотрудничества и развития И. Виско и российского экономиста А. В. Шурубовича новой является цифровая экономика. И. Виско отмечает, что «...новая экономика тесно связана с воздействиями технологического прогресса на экономический рост. Во всех этих процессах ключевую роль играют новейшие

информационные и коммуникационные технологии» [8, с. 15]. Термин «новая экономика» обозначает изменения в сферах коммуникации, финансов и торговли, а также нововведения в управлении предприятиями и организации жизни человека. В свою очередь, А. В. Шурубович пишет следующее: «Цифровая экономика в глобальном масштабе развивается в последнее время стремительными темпами. По расчетам экспертов, к 2035 г. ВВП цифровой экономики мира достигнет 156 трлн долл., в ней будет задействовано 20 % всех работников планеты (в настоящее время 1 %)» [9, с. 37].

Российский экономист А. Потемкин указывает на такой тип новой экономики, как виртуальная экономика. Он описывает уникальную ситуацию, сложившуюся в США: многие высокотехнологичные компании из года в год работают с убытком, а курсы их акций растут гораздо быстрее, чем у большинства предприятий США. Это один из главных и наиболее ярких феноменов виртуальной экономики. Курсы акций все чаще зависят не от производственно-финансовых показателей их эмитентов, а от психологического состояния потенциальных инвесторов [10, с. 15].

Для американского экономиста Л. Ларуша и академика НАН Беларуси П. Г. Никитенко новой является экономика ноосферы [11], или ноосферная экономика [12].

Нобелевский лауреат по экономике Р. Дж. Шиллер, обращаясь к теме новой экономики, выделяет нарративную экономику [13]. Во время ее развития сформировались два подхода к анализу нарративов: количественный, «в рамках которого определяется вирусность нарративов и их влияние прежде всего на макроэкономические процессы», и качественный, «где нарративы анализируются для выявления идей или упрощенных протомоделей, с помощью которых акторы объясняют экономические явления» [14, с. 119].

Член-корреспондент РАН Г. Б. Клейнер к разряду новых относит системную экономику и экономику постзнаний. При этом, по его мнению, «концепция системной экономики развивается за счет включения в картину мира, рассматриваемую в рамках данного направления... ключевых компонентов экономики: экономических процессов и процессов управления, экономических и природных благ, а также отношений, определяющих взаимодействие между этими компонентами системной картины мира» [15, с. 72]. По словам Г. Б. Клейнера, экономика постзнаний (следующая за экономикой знаний стадия общественного производства) будет основана не только на передаче вновь созданных знаний от производителя (донора) к потребителю (реципиенту), но и на влиянии интеллекта производителя на интеллект потребителя [16, с. 36].

Для польского экономиста Г. В. Колодко и российского экономиста Т. А. Селищевой новой является интернет-экономика. Так, Г. В. Колодко указывает на то, что интернет выступает фундаментом новой экономики. Важное значение сегодня приобретает биржа новой экономики NASDAQ [17, с. 17–18, 20–21]. Т. А. Селищева заостряет внимание на структуре интернет-экономики, которая включает в себя инвестиции и инновации в интернет-индустрии, интернет-инфраструктуру, программное обеспечение интернета, электронный трейдинг и рекламу, офшорное программирование, дистанционное образование и т. д. [18, с. 37].

Российский экономист В. Н. Бугорский новой считает сетевую экономику, осуществляемую с помощью электронных сетей. Основой сетевой экономики выступают сетевые организации¹.

По мнению израильско-американского экономиста и психолога Д. Ариели, новой является поведенческая экономика, которая «представляет собой новую научную дисциплину, связывающую воедино вопросы экономики и психологии» [19, с. 14].

Представитель российской экономической социологии Д. В. Иванов к числу новых относит экономику гламура: «В 1980–1990-х гг. бренды, компьютеры, кредитные карты определили облик новой экономики. Но пока интеллектуалы продолжали выяснять, какую роль в ее развитии играют информация, высокие технологии, рискованные инвестиции, экономика стала сверхновой. В этой ультрасовременной экономике интуитивно, но гораздо увереннее интеллектуалов, ориентируются блондинки, метросексуалы и все те, кто в своем бизнесе переходит от логики виртуализации к логике гламура. <...> В сверхновой экономике решающим фактором стоимости становится гламуроёмкость. Гламуроёмкость товаров или услуг определяется их принадлежностью к “большой пятерке” – роскоши, экзотике, эротике, розовому, блондинистому» [20, с. 51, 54].

Молдавский ученый, составитель энциклопедии по экологии И. И. Дедю рассматривает такой тип новой экономики, как зеленая экономика. В данном контексте он упоминает безотходную (малоотходную) технологию², биоэкономию – «отрасль знания на стыке экологии и экономики, изучающую взаимоотношения человека и природы в процессе использования природных ресурсов»³, малоотходное производство, под которым понимается «оптимальное промышленное производство, образующее незначительное количество отходов»⁴, а также устойчивое развитие, определяющееся как «способность нынешнего поколения человеческого общества социально-экономически развиваться так, чтобы не

усугублять удовлетворение потребности для такого же (а может быть, лучшего) развития будущих поколений»⁵.

В ряде зарубежных и отечественных работ [21–23] описывается такой тип новой экономики, как когнитивная экономика (когномика). В широком смысле когнитивная экономика сближается с интеллектуальной экономикой, цифровой экономикой и экономикой знаний, в узком смысле – с нейроэкономикой, поведенческой экономикой, экономической психологией и экспериментальной экономикой [23].

В одной из статей В. Ф. Максимовой выделяются такие особенности умной экономики, как «интеллектуализация, институционализация, социализация и экологизация во всех сферах общества» [24, с. 67], «повышение эффективности экономических ресурсов на базе инноваций и инновационности», «возведение интеллектуальных ресурсов в ранг главного фактора производства» [24, с. 69]. По мнению ученого, умная экономика и интеллектуальная экономика являются близкими направлениями.

В перечень экономических систем, получивших в современной научной литературе статус новой экономики, можно отнести также аффективную экономику, баумолевскую экономику (экономику нематериальных активов), гоп-экономику, гуманомику (гуманистическую экономику, или «экономику с человеческим лицом»), креативную экономику, наноэкономикку (экономику нанопроектов), нейроэкономикку, неэкономикку, ноэкономикку, нравственную (моральную) экономикку, социогуманитарную экономикку, циркулярную экономикку, экономикку обменов, экономикку престижа, экономикку услуг и др.

Обобщив подходы разных исследователей к интерпретации феномена новой экономики, можно представить следующие выводы.

Система экономических показателей, принятая во времена индустриальной эпохи и «ориентированная на качественное измерение физических объемов продукции, материальных, трудовых и финансовых затрат, не способна отразить... все действующие факторы экономической динамики... и особенности новой экономики, которой присущи такие явления, как динамизм, многочисленные инновации, мгновенная способность адаптироваться к изменяющейся внешней среде» [25, с. 120].

Новая экономика требует умения не только логично мыслить и легко оперировать абстракциями, но и быть свободным в мире образов и символов. Данная экономическая система обусловит повышение статуса «образованных и культурных людей, которые будут постоянно воспроизводить и приумножать культурные ценности»⁶.

¹Бугорский В. Н. Сетевая экономика : учеб. пособие. М. : Финансы и статистика, 2007. С. 245.

²Дедю И. И. Энциклопедия по экологии. Кишинёв : Stiinta, 2019. С. 51.

³Там же. С. 74.

⁴Там же. С. 243.

⁵Там же. С. 467.

⁶Философия и методология науки : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. В. И. Купцова. М. : Аспект пресс, 1996. С. 75.

Новая экономика тесно связана с формальными знаниями и техническими навыками. Кроме того, она не обходится без массовой культуры и рынка образов [26, с. 68].

В интерпретации термина «новая экономика» есть определенная сложность. Виртуальная экономика (ее чаще всего называют новой) на самом деле вообще не имеет отношения к реальной экономике, а именно к физическому производству товаров и услуг. По мнению некоторых экспертов, «...уже в 1995 г. объем ежедневных сделок на мировых финансовых рынках превысил совокупный объем резервов всех центральных банков планеты. И например, завышенная биржевая капитализация высокотехнологичных компаний... есть следствие ожиданий акционеров, а не хозяйственной деятельности этих компаний и их обеспеченности материальными активами» [27, с. 216–217].

Специалисты трактуют новую экономику по-разному. В широком смысле она рассматривается как производство товаров и услуг с использованием информационных технологий, в узком смысле – как производство товаров и услуг с помощью интернет-технологий для интернет-сети и ее производных. Применительно, например, к России новой экономикой могут выступать просто новые отрасли или созданные с нуля частные предприятия. В более широком контексте новая экономика рассматривается как «...новый облик экономики, складывающийся

под влиянием интенсивных процессов создания и распространения знаний и их проникновения во все сферы жизни общества. Речь идет об усилении влияния научной и инновационной деятельности, образования и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на экономику, государство и общество и обретении ими качественно новых характеристик и механизмов функционирования» [28, с. 7].

Сегодня новая экономика представляет собой высшую ступень экономического развития человечества. На смену обществу классического капитализма приходит постиндустриальное общество. Важнейший вывод западной социологии послевоенного периода заключается в том, что «...Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров, советского и западного, а представляет собой единую реальность – индустриальную цивилизацию. Буквально за несколько лет парадигма постиндустриализма была подхвачена представителями самых разных идеологических направлений» [29, с. 122].

На наш взгляд, для изучения и систематизации существующих типов новой экономики целесообразно использовать теоретико-методологические возможности экономической социологии. Следует провести экономико-социологический анализ описаний типов новой экономики, реализуемых сегодня в Беларуси, а затем выявить наиболее перспективный для страны тип новой экономики, исходя из его политэкономических преимуществ.

Политэкономический и экономико-социологический подходы к изучению и систематизации типов новой экономики

Необходимость привлечения представителей политической экономии и экономической социологии к решению типологических задач экономической науки обусловлена рядом обстоятельств. В первую очередь это неудовлетворенность итогами экономических реформ, проведенных на постсоветском пространстве. Как справедливо заметил по этому поводу российский экономист Б. Плышевский, «рассматривая причины неэффективности российских рыночных реформ, на первое место следует... поставить недостатки их научного обоснования – неполноту теории и использование ее не в интересах развития страны, а для обогащения пришедшей к власти буржуазии» [30, с. 61].

В нынешних условиях даже государственный сектор функционирует подобно частнокапиталистическому, поскольку нацелен на получение максимальной прибыли за счет налогоплательщиков. Он имеет архаичную отраслевую структуру, его производительный капитал характеризуется дезинтеграцией и низким техническим строением. Работники выступают носителями не общегосударственных, а частных интересов. Народно-хозяйственная эффективность подменена скоростью частного обогащения [31, с. 13–14].

По мнению академика РАН Д. С. Львова, не получение максимальной прибыли, а социальные интересы трудовых масс должны быть базой всех экономических программ: «Жизненные интересы всех массовых социальных слоев должны лежать в основе продуманной программы “открытия” российской экономики внешнему миру в сочетании с надежной системой защиты отечественных производителей» [32, с. 729]. Отсутствие у экономической науки данных об интересах общества снижает эффективность обосновываемых ею решений и позволяет сделать вывод о том, что экономика не является самостоятельной дисциплиной. Наиболее значимые результаты достигаются экономической «...только в постановке и решении общих проблем исторического развития, включая проблемы политические, социологические, идеологические. Возвращение политэкономии знаменует признание этого факта» [33, с. 135].

Еще в дореволюционный период Н. И. Кареев был убежден в том, что социология имеет политэкономический характер: «Главным предметом социальных наук является, конечно, общество как организованное целое, иногда даже прямо называемое общественным организмом. Мы увидим, что

именно общество, взятое в смысле известного рода организации, охватывающей все главные стороны социальной жизни, сделала своим предметом общая социальная наука, за которой утвердилось название «социология». Эта наука, основателем которой был Огюст Конт, не устраняет ни возможности, ни необходимости существования частных общественных наук, которые изучают отдельные стороны в жизни организованного общества... Такими отдельными категориями общественных явлений, изучаемыми в более специальных, чем социология, науках, нужно признать те, которые мы обобщаем под названиями государства, права и народного хозяйства, откуда и три главные подразделения обществоведения на государствоведение, правоведение и экономическую науку. Каждый из этих трех отделов может и далее быть подразделенным на еще более специальные дисциплины» [34, с. 3].

На политэкономические корни социологии указывают и современные американские социологи, которые считают, что политическую экономию XIX в. породили история и моральная философия, а американская социология начала XX в. возникла внутри политэкономической науки [35].

Учитывая растущее значение информационных технологий в экономической сфере, специалисты постоянно пытаются совместить разработки политэкономов и информационных технологов и сформировать международную политэкономическую ИКТ-индустрию [36]. Хотя еще в начале 1970-х гг. член-корреспондент Академии наук БССР Н. И. Ведута убедительно разграничил политэкономические и информационные процессы: «Политическая экономика рассматривает производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами общества, но отнюдь не информационные процессы, характеризующие и обслуживающие это взаимодействие. Информационные процессы изучает экономическая кибернетика. Политэкономия раскрывает главным образом неуправляемые общественные явления, определяющие поведение всей системы общественного производства, кибернетика – системы управления. Первая ограничивается описанием закономерностей крупными штрихами. Вторая требует самого детального рассмотрения вопроса» [37, с. 41].

Тем не менее экономическая теория активно развивается и проникает в смежные области знания. Многие научные направления «возникли на стыке экономики и социологии, экономики и политологии, экономики и права» [32, с. 726]. К числу новых научных направлений на границе экономики и социологии

можно отнести, например, социэкономическую [38], общий социальный анализ [39], экономическую социологию [40] и др. По мнению автора учебника по экономической социологии Г. Н. Соколовой, в центре внимания данного научного направления находятся социальные механизмы. Разные методологические подходы позволяют регулировать экономические процессы⁷. Г. Н. Соколова подчеркивает, что генезис экономической социологии связан с традициями США и Западной Европы, где «не принято проводить жестких междисциплинарных границ, поэтому социологию экономической жизни понимают как широкое поле социальных проблем экономической деятельности, актуализируя по необходимости ту или иную проблему и создавая для ее разрешения ту или иную теорию (или концепцию) среднего уровня»⁸.

Главной задачей своего учебника Г. Н. Соколова называет вполне политэкономическую цель – «изложить экономическую социологию как теорию, которая, оперируя совокупностью категорий, «работающих» в рамках основных социально-экономических законов, помогает разобраться в причинах согласованности и несогласованности действий миллионов людей»⁹.

Автор раздела «К читателю» в рассматриваемом учебнике А. Н. Данилов дает следующую оценку экономико-социологическому анализу Г. Н. Соколовой: «Автор не навязывает читателю свое видение существующих проблем, а предлагает самому оценить сходство и различие возможных подходов к их решению. Анализируя диаметрально противоположные точки зрения крупнейших представителей западной социальной мысли, автору удается высветить многогранность и глубину общественной проблематики и обосновать необходимость различных концептуальных решений. Именно такой подход в наибольшей мере способствует развитию самостоятельности и аналитичности мышления»¹⁰.

Детализируя описание проведенного экономико-социологического анализа, Г. Н. Соколова отмечает следующие его особенности: «По характеру механизма объяснения делятся на объяснение через собственный закон (теорию, гипотезу) и через модельное объяснение. Наиболее сильный прием анализа по объяснительному плану – теоретическая типологизация на основе законов (закономерностей, идеальных моделей) по теоретически обоснованным критериям. Так, закон разделения труда, объясняя историческую эволюцию разделения труда на его различные виды (в контексте формационного подхода), объясняет тем самым

⁷ Соколова Г. Н. Экономическая социология : учебник. 2-е изд. Минск : Беларус. навука, 2000. С. 11.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Данилов А. Н. К читателю // Экономическая социология : учебник. 2-е изд. / Г. Н. Соколова. Минск : Беларус. навука, 2000. С. 3.

деление общества на социальные группы, занятые этими видами труда, и отношения между группами в зависимости от их социального статуса и престижа труда»¹¹.

Отмеченные достоинства политэкономического, а также экономико-социологического анализа обуславливают их использование в выборе наиболее перспективного типа новой экономики.

Политэкономический и экономико-социологический анализ описаний типов новой экономики

Изучение научной и справочной литературы по новой экономике показало, что на постсоветском пространстве идет активный поиск наиболее перспективного ее типа, который сможет обеспечить быстрый экономический рост государства. В пользу такого вывода свидетельствует непрерывная смена стратегических целей: если во второй половине 1980-х гг. в качестве таковых рассматривались создание инновационной экономики и построение на ее основе инновационного государства, то в 1990-х гг. началась активная разработка концепции информационной экономики, а также формирование связанного с ней информационного общества. Затем на повестку дня встал вопрос о создании экономики знаний и общества знаний. Далее пришла очередь цифровой экономики, на основе которой планировалась реализация национальных научных мегапроектов, таких как «Электронная Беларусь», «Электронная Россия», «Цифровая Армения», «Цифровой Казахстан», «Цифровой Кыргызстан» и др. Наконец, в начале XXI в. был поставлен вопрос о формировании в Беларуси интеллектуальной экономики [6], а также интеллектуального государства и общества интеллекта [41; 42].

Государственный бюджет страны имеет свои пределы, поэтому построение определенной иерархии целей и выявление наиболее перспективного типа новой экономики выступают актуальными задачами. В то же время смена стратегических целей не предполагает отказа от решения ранее поставленных задач.

На наш взгляд, проведение политэкономического и экономико-социологического анализа описаний типов новой экономики и выделение существующих между ними отличий позволят определить наиболее перспективный для Беларуси тип новой экономики. Результаты проведенного нами исследования показывают, что сегодня на эту роль претендует интеллектуальная экономика. Ключевыми доминантами данного типа экономической системы выступают, во-первых, наличие разных типов интеллекта (несколько десятков) как главного экономического ресурса и, во-вторых, достаточно жесткая зависимость интеллектуальной экономики от той системы социально-экономических отношений, которая сложилась исторически и является основой формирования и использования указанного ресурса. Ины-

ми словами, интеллектуальная экономика не заменяет закрепившуюся в стране систему отраслевых экономик, а дополняет ее. Именно это имел в виду академик В. Г. Гусаков, когда говорил о «создании интеллектуальной экономики на основе традиционных отраслей и видов деятельности, которые будут обеспечивать жизненные потребности человека, а также средства производства для их получения (промышленность, АПК, энергетика, строительство)» [43, с. 42].

В качестве источника новых рабочих мест рассматривает сферу интеллектуального труда и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. По его мнению, самая большая проблема «...состоит в том, что сегодня на нашей далеко не маленькой территории проживает всего 10 млн человек. Ни о какой безопасности не может быть и речи, если некому будет защищать эту землю»¹². Белорусский лидер убежден в том, что наша земля может прокормить 30 млн человек. В данном контексте уместно привести справочную информацию: «Показатель обеспеченности пахотными землями на душу населения в разных странах существенно отличается: от 2,45 га в Австралии и 0,90 га в России до 0,10 га в Германии и 0,037 га в Японии. <...> В Беларуси... на душу населения приходится 0,88 га сельскохозяйственных земель и 0,61 га пашни» [44, с. 23]. Вопрос заключается в том, куда трудоустроить еще 20 млн человек. Если создавать новые рабочие места в промышленной сфере, то усугубится и теперь не совсем простая экологическая ситуация в стране, если же создавать их в сельскохозяйственной сфере, то истощится плодородие почв. Следовательно, источником новых рабочих мест может выступать сфера интеллектуального труда.

В Израиле знания являются основой существования общества, у 20 % работоспособного населения есть высшее образование. В этой стране издается наибольшее в мире количество научных трудов на душу населения (109 работ на 10 тыс. человек), здесь наибольшее в мире число компьютеров и мобильных телефонов на душу населения. В Израиле на 1 тыс. человек приходится больше инженеров (135 инженеров на 10 тыс. человек), чем в любом другом государстве (в США, например, 85 инженеров на 10 тыс. человек). На проведение гражданских научных исследований страна тратит 4,2 % валового

¹¹ Соколова Г. Н. Экономическая социология. С. 93.

¹² Александр Лукашенко хочет увеличить население Белоруссии в три раза // Медпортал. URL: <https://medportal.ru/mednovosti/aleksandr-lukashenko-hochet-uvelichit-naselenie-belorussii-v-tri-raza/> (дата обращения: 06.11.2023).

национального продукта. В 2000 г. в Израиле было около 4 тыс. интернет-компаний [45, с. 26–27].

Свой выбор в пользу сферы интеллектуального труда сделали и так называемые авангардные страны мира (Китай, Индия Бразилия и Россия) [46]. Руководители этих государств, видимо, прислушались к словам нобелевского лауреата по экономике Т. У. Шульца о том, что «...будущее человечества не предопределено ни пространством, ни энергией, ни площадью пахотных земель. Оно будет определяться интеллектуальным развитием человечества» [47, с. 89].

Имеющаяся у Китая «площадь пахотной земли на душу населения составляет по мировым стандартам лишь одну треть от потребности, ресурсы пресной воды – одну четверть, а лесные угодья и растительный покров – всего одну шестнадцатую» [1, с. 340]. Это не позволяет Китаю самостоятельно решить проблему продовольственной безопасности (следует помнить, что население страны составляет почти 1,5 млрд человек). В такой ситуации Китай просто вынужден был стать «фабрикой мира», чтобы за счет доходов от выпуска высокотехнологичных промышленных товаров и оказания информационных услуг другим странам покупать продовольствие для своего населения. В 2006 г. Китай, вслед за США и Японией, вошел в тройку лидеров мировой экономики по абсолютным масштабам затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Число научных работников в Китае за 1995–2010 гг. увеличилось вдвое и достигло 1,2 млн человек (в США оно составило 1,3 млн человек) [46, с. 9].

Крупнейший научно-технический потенциал сегодня имеет Индия. Она входит в пятерку ведущих стран по ракетным и ядерным технологиям, но главным прорывом государства выступает создание первоклассной индустрии программного обеспечения. Индия является ключевым экспортером компьютерных и информационных услуг и одним из мировых центров подготовки высококвалифицированных кадров в этой области. Сегодня Индию называют мировым офисом: в сфере услуг создается более половины добавленной стоимости, в ней занята четверть трудоспособного населения страны. Развитая отрасль информатики «экспортирует четыре пятых от объема производимых товаров и услуг» [46, с. 13–14].

Высокотехнологичное интеллектуальное производство развивает и Бразилия. По промышленным показателям она занимает 1-е место в Латинской Америке. По производству автомобилей Бразилия входит в десятку крупнейших стран-производителей. Государство является одним из ведущих экспортеров среднемагистральных авиалайнеров в мире и остается бесспорным лидером региона в развитии новой экономики, основанной на достижениях информационных технологий и интернета [46, с. 25–26].

Отличные шансы стать лидирующей интеллектуальной экономикой Евразии имеет и Россия: «...в исторической перспективе России в силу ее уникальных природных богатств предопределено судьбой сохранить свои позиции энергетической и сырьевой супердержавы. Это ее огромное стратегическое преимущество, дополненное ускоренным инновационным прорывом и опирающееся на гигантский интеллектуальный потенциал нации, придаст России новое качественное измерение и возвысит в XXI веке и на последующие времена ее роль как одного из ведущих государств мира» [46, с. 32].

Таким образом, «обладающие обширными территориями, многочисленным населением и значительным экономическим потенциалом Китай, Индия, Бразилия и Россия оказывают к тому же огромное цивилизационно-культурное влияние на соседние страны и регионы» [46, с. 8], что в немалой степени обусловлено интеллектуальными доминантами экономик этих стран.

Сопредельные с интеллектуальной экономикой типы экономических систем имеют совсем иные доминанты. Так, информационная, сетевая, умная и цифровая экономики наиболее жестко привязаны к ИКТ. К сожалению, в последнее время выявлен ряд негативных аспектов данной связи. С одной стороны, по свидетельству российских экономистов, «...объем внутренних затрат на развитие цифровой экономики в 2017 г. составил 3324,1 млрд руб., или 3,6 % ВВП. Это примерно соответствует величине, запланированной в программе “Цифровая экономика Российской Федерации” на 2022 г., и опережает расходы на здравоохранение, науку и дорожное хозяйство» [48, с. 74]. С другой стороны, цифровой сегмент характеризуется достаточно скромным местом в экономике. На его долю в ВВП промышленно развитых стран приходится в среднем 6 %. В странах Организации экономического сотрудничества и развития в сфере ИКТ занято 3–5 % рабочей силы. Что касается роста мирового ВВП, то вклад цифрового сегмента в него пока не превышает 0,25 %. Наблюдается парадоксальная ситуация: цифровые технологии активно распространяются, при этом темпы роста производительности труда падают. Внедрение ИКТ «...нивелировалось растущими масштабами переноса промышленного производства с севера на юг. Такой процесс обусловил падение капиталовооруженности и производительности труда в развитых капиталистических странах за счет переключения на использование трудозатратных технологий в регионах с низкой оплатой труда. <...> Именно так работал один из каналов выкачивания прибавочной стоимости странами капиталистического центра со своей периферии» [49, с. 10–13].

Отрицательное влияние ИКТ на социальные процессы отмечают не только политэкономы, но и ученые из других областей знания: «Цифровизация

приводит к деинтеллектуализации общества в целом. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время» [50, с. 51].

Кроме того, для полноценного развития цифровой экономики в России остро не хватает квалифицированных специалистов: «По данным Фонда развития интернет-инициатив, к 2027 году российская экономика будет испытывать нехватку около 2,0 млн IT-специалистов. При этом к 2017 году в России насчитывалось около 1,9 млн IT-специалистов (2,4 % трудоспособного населения, в то время как в США, Германии и Великобритании – 4,3 %). Ежегодно в России выпускается порядка 60 тыс. IT-специалистов, и для устранения нехватки кадров необходимо увеличить ежегодный выпуск приблизительно на 40 тыс. человек. В целом до 2025 года России понадобится от 5,8 до 9,2 млн специалистов» [51, с. 27].

Наконец, допущены серьезные ошибки при разработке программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Программа исходит из утверждения о том, что следует сосредоточиться на услугах, не заботясь о производстве. При этом упускается из виду, что основу экономики стран глобальных лидеров составляют прежде всего фундаментальная наука и высокотехнологичное интеллектуальное производство [52, с. 8].

Главным ресурсом экономики знаний являются расширенное производство и продажа научных

и прочих знаний (в виде отчетов о научно-исследовательских работах, научных книг и статей, произведений литературы и искусства, компьютерных программ, образовательных услуг и т. д.). О степени развитости этого типа новой экономики на постсоветском пространстве можно судить на примере подготовки квалифицированных специалистов. Доля лиц, имеющих высшее образование, в населении трудоспособного возраста постоянно растет. В США этот показатель достиг уже более 25,0 %, в России он также относительно высокий – 17,5 % (в два раза выше, чем во Франции), что обеспечивает стране благоприятные стартовые позиции для развития новой экономики [2, с. 43].

Проведенный политэкономический и экономико-социологический анализ реализуемых в Беларуси типов новой экономики дает основания для следующих выводов:

- сегодня в Беларуси активно развиваются такие типы новой экономики, как интеллектуальная, инновационная, сетевая, умная и цифровая экономика, а также экономика знаний и др.;
- наиболее перспективным для Беларуси является развитие интеллектуальной экономики, вклад которой в ВВП республики будет постоянно возрастать;
- интеллектуализация производства и социальных сфер жизни белорусского общества должна сопровождаться мерами по индустриализации и реиндустриализации промышленности и сельского хозяйства, а также по ускоренному развитию культуры, науки и образования.

Библиографические ссылки

1. Лу Юнсян. Эра наукоемкой экономики. *Вестник Российской академии наук*. 2000;70(4):338–343.
2. Кольчугина МБ. Новой экономике – новое образование. *Мировая экономика и международные отношения*. 2003;12:42–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-12-42-53.
3. Леонтьев ББ. Теория системной экономики. *Партнерство цивилизаций*. 2016;1–2:183–206.
4. Ковалёв ММ, Головенчик ГГ. *Цифровая экономика – шанс для Беларуси*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. 327 с.
5. Гусаков ВГ. Наука интеллектуализации экономики. *Наука и инновации*. 2017;9:4–11.
6. Гусаков ВГ. Научные основы реализации национальных интересов, укрепления суверенитета и независимости государства. *Проблемы управления*. 2017;3:16–23.
7. Глазьев СЮ. Как построить новую экономику. *Эксперт*. 2012;7:54–57.
8. Виско И. New economy – фантом или явь? *Deutschland*. 2000;6:12–15.
9. Шурубович АВ. Цифровизация экономики по-белорусски: как удалось опередить «старшего брата». *Мир перемен*. 2019;2:36–50.
10. Потемкин А. *Виртуальная экономика*. Москва: ПоПоГ; 2004. 445 с.
11. LaRouche H. *The economics of the noosphere*. Washington: EIR News Service; 2001. 348 p.
12. Никитенко ПГ. *Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития*. Минск: Белорусская наука; 2006. 481 с.
13. Shiller RJ. Narrative economics. *American Economic Review*. 2017;107(4):967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967.
14. Вольчик ВВ, Цыганков СС, Маскаев АИ. Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики. *ЭКО*. 2022;10:110–128. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-10-110-12.
15. Клейнер ГБ. Системная экономика и системно-ориентированное моделирование. *Экономика и математические методы*. 2013;49(4):71–93.
16. Клейнер ГБ. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний. *Экономическое возрождение России*. 2020;1:35–42.
17. Колодко ГВ. Новая экономика и старые проблемы: перспективы быстрого роста в странах постсоциалистической трансформации. *Белорусский экономический журнал*. 2001;3:17–29.
18. Селищева ТА. *Структура российской экономики: на пути к информационному обществу*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; 2006. 184 с.

19. Ариели Д. *Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2012. 296 с.
20. Иванов ДВ. Глэм-капитализм. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2008. 173 с.
21. Topol R, Walliser B, editors. *Cognitive economics: new trends*. Oxford: Emerald Group Publishing Limited; 2007. 263 p.
22. Карпенко МП. *Когномика*. Москва: Современный гуманитарный университет; 2009. 225 с.
23. Абдикеев НМ, Аверкин АН, Ефремова НА. Когнитивная экономика в эпоху инноваций. *Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова*. 2010;1:3–20.
24. Максимова ВФ. Smart (интеллектуальная) экономика: цели, задачи и перспективы. *Открытое образование*. 2011;3:63–71.
25. Шульгина ИВ. Оценка влияния науки на экономический рост: новые подходы. В: Аллахвердян АГ, Семенова НН, Юревич АВ, редакторы. *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки*. Москва: Логос; 2005. с. 107–121.
26. Тишков Ю. Информация как ресурс экономики знаний. *Директор*. 2008;3:67–69.
27. Бендиков МА, Джемая ЕВ. Системный взгляд на современную российскую науку. *Науковедение*. 2001;4:214–219.
28. Думная НН, Сергеева АЕ. Драйверы модернизации российской национальной инновационной системы (часть 1). *Мир новой экономики*. 2014;1:6–10.
29. Гукасьян ГМ. *Экономическая теория: проблемы новой экономики*. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 192 с.
30. Плышевский Б. Политэкономика и «экономикс» на современном рубеже реформ. *Экономист*. 2015;8:60–74.
31. Губанов С. Главы госкомпаний: с чем связать их вознаграждение? (Опыт политэкономического анализа). *Экономист*. 2016;4:3–14.
32. Львов ДС. Экономическая наука и развитие России. *Вестник Российской академии наук*. 1999;69(8):722–742.
33. Волконский ВА. Проблемы обновления политэкономии. *Альтернативы*. 2012;4:134–156.
34. Кареев НИ. Что такое общественные науки? В: Кареев НИ, Чупров АИ, Водовозов ВВ. *Введение в изучение социальных наук. Социология, политическая экономия, правоведение*. Москва: Либроком; 2012. с. 1–5.
35. Young Ch. The emergence of sociology from political economy in the United States: 1890 to 1940. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2009;45(2):91–116. DOI: 10.1002/jhbs.20362.
36. Григорьевский ВВ, Дегтерев ДА, Пискунов ДА, Прохоренко ИЛ. Международная политэкономика ИКТ-индустрии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023;67(3):5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-5-19.
37. Ведута НИ. *Экономическая кибернетика. Очерки по вопросам теории*. Минск: Наука и техника; 1971. 318 с.
38. Шабанова МА. Социоэкономика и социально-экономическая политика. *Экономическая наука современной России*. 2007;3:34–48.
39. Щербин ВК. Общий социальный анализ знаниевых и стоимостных цепочек. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:20–41. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-20-41.
40. Радаев ВВ, Добрякова МС, редакторы. *Экономическая социология: автопортреты*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2007. 487 с.
41. Гусаков ВГ. Золотой фонд страны. *Наука и инновации*. 2023;9:5–17.
42. Щербин ВК. Интеллектуальное государство как конечная цель научного мегапроекта и как выставочный концепт. В: Муха ДВ, редактор. *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Том 1*. Минск: Право и экономика; 2023. с. 144–149.
43. Гусаков ВГ. О достижениях и стратегии развития науки и технологий. В: Семашко ВИ, редактор. *II съезд ученых Республики Беларусь; 12–13 декабря 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2018. с. 37–43.
44. Данилов АН, Безнюк ДК, Богдевич ИМ, Водопьянов ПА, Вологовский ИД, Зеленков АИ и др. Современный социум: новые вызовы и риски. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:12–33. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
45. Перман С. *Корпорация шпионов: бизнес-инновации от израильских мастеров шпионажа*. Днепрпетровск: Баланс бизнес букс; 2006. 224 с.
46. Акаев АА, Ануфриев ИЕ, Акаева БА. *Авангардные страны мира в XXI веке в условиях конвергентного развития. Долгосрочное прогнозирование экономического роста*. Москва: Либроком; 2013. 144 с.
47. Шульц ТУ. Экономика бедности. Лекция памяти Альфреда Нобеля, 8 декабря 1979 г. В: Вантух КА, редактор. *Премия шведского банка памяти Альфреда Нобеля в области экономических наук. Том 2, 1978–1983*. Москва: Физико-математическая литература; 2006. с. 84–106.
48. Гохберг ЛМ, редактор. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 82 с.
49. Рязанов В. От аналоговой к цифровой экономике: технологический детерминизм и экономическое развитие. *Экономист*. 2019;6:3–24.
50. Гобозов ИА. Цифровизация общества и деинтеллектуализация человека. *Философия и общество*. 2021;3:35–54.
51. Эскиндаров МА, Масленников ВВ, Масленников ОВ. Цифровая экономика: риски и шансы для Российской Федерации. В: Ладышев ВВ, составитель. *Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения*. Москва: Государственная дума; 2019. с. 23–35.
52. Иванов ВВ, Малинецкий ГГ. Цифровая экономика: от теории к практике. *Инновации*. 2017;12:3–12.

References

1. Lu Yongxiang. The era of science-intensive economics. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2000;70(4):338–343. Russian.
2. Kolchugina MB. New education for new economics. *World Economy and International Relations*. 2003;12:42–53. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-12-42-53.
3. Leont'ev BB. [Theory of system economics]. *Partnerstvo tsivilizatsii*. 2016;1–2:183–206. Russian.

4. Kovalev MM, Golovenchik GG. *Tsifrovaya ekonomika – shans dlya Belarusi* [Digital economy – a chance for Belarus]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2018. 327 p. Russian.
5. Gusakov VG. [The science of intellectualisation of the economy]. *Nauka i innovatsii*. 2017;9:4–11. Russian.
6. Gusakov VG. [Scientific foundations for the implementation of national interests, strengthening the sovereignty and independence of the state]. *Problemy upravleniya*. 2017;3:16–23. Russian.
7. Glaz'ev SYu. [How to build a new economy]. *Expert*. 2012;7:54–57. Russian.
8. Visko I. [New economy – phantom or reality?]. *Deutschland*. 2000;6:12–15. Russian.
9. Shurubovich AV. [Digitalisation of the economy in Belarusian style: how we managed to get ahead of our «big brother»]. *Mir peremen*. 2019;2:36–50. Russian.
10. Potemkin A. *Virtual'naya ekonomika* [Virtual economy]. Moscow: PoRog; 2004. 445 p. Russian.
11. LaRouche H. *The economics of the noosphere*. Washington: EIR News Service; 2001. 348 p.
12. Nikitenko PG. *Noosfernaya ekonomika i sotsial'naya politika: strategiya innovatsionnogo razvitiya* [Noospheric economics and social policy: strategy for innovative development]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2006. 481 p. Russian.
13. Shiller RJ. Narrative economics. *American Economic Review*. 2017;107(4):967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967.
14. Volchik VV, Tsygankov SS, Maskaev AI. Formal institutions of the Russian innovation system in the light of narrative economics. *ECO*. 2022;10:110–128. Russian. DOI: 10.30680/ECO131-7652-2022-10-110-12.
15. Kleiner GB. System economics and system-oriented modeling. *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2013;49(4):71–93. Russian.
16. Kleiner GB. Intellectual economy of the new age: post-knowledge economy. *Economic Revival of Russia*. 2020;1:35–42. Russian.
17. Kolodko GV. [New economy and old problems: prospects for rapid growth in countries of post-socialist transformation]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*. 2001;3:17–29. Russian.
18. Selishcheva TA. *Struktura rossiiskoi ekonomiki: na puti k informatsionnomu obshchestvu* [Structure of the Russian economy: on the way to an information society]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics and Finance; 2006. 184 p. Russian.
19. Ariely D. *Povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irratsional'no i kak zarabotat' na etom* [Behavioral economics. Why people behave irrationally and how to make money from it]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2012. 296 p. Russian.
20. Ivanov DV. *Glem-kapitalizm* [Glam capitalism]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2008. 173 p. Russian.
21. Topol R, Walliser B, editors. *Cognitive economics: new trends*. Oxford: Emerald Group Publishing Limited; 2007. 263 p.
22. Karpenko MP. *Kognomika* [Cognomics]. Moscow: Modern University for the Humanities; 2009. 225 p. Russian.
23. Abdikeyev NM, Averkin AN, Efremova NA. [Cognitive economics in the era of innovation]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. 2010;1:3–20. Russian.
24. Maksimova VF. Smart (intellectual) economy: goals, objectives and prospects. *Open Education*. 2011;3:63–71. Russian.
25. Shul'gina IV. [Assessing the influence of science on economic growth: new approaches]. In: Allakhverdyan AG, Semenova NN, Yurevich AV, editors. *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitiu rossiiskoi nauki* [Science and new trends in the development of Russian science]. Moscow: Logos, 2005. p. 107–121. Russian.
26. Tishkov Yu. [Information as a resource of the knowledge economy]. *Director*. 2008;3:67–69. Russian.
27. Bendikov MA, Dzhemai EV. [A systematic view of modern Russian science]. *Naukovedenie*. 2001;4:214–219. Russian.
28. Dumnaya NN, Sergeeva AE. Innovations and tendencies. Modernization drivers of national innovation system of Russia (part 1). *World of New Economy*. 2014;1:6–10. Russian.
29. Gukas'yan GM. *Ekonomicheskaya teoriya: problemy novoi ekonomiki* [Economic theory: problems of the new economy]. Saint Petersburg: Piter; 2003. 192 p. Russian.
30. Plyshevskii B. [Political economy and «economics» at the modern turn of reforms]. *Economist*. 2015;8:60–74. Russian.
31. Gubanov S. [Heads of state-owned companies: what to link their remuneration to? (Experience in political economic analysis)]. *Ekonomist*. 2016;4:3–14. Russian.
32. L'vov DS. [Economic science and development of Russia]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 1999;69(8):722–742. Russian.
33. Volkonskii VA. [Problems of updating political economy]. *Al'ternativy*. 2012;4:134–156. Russian.
34. Kareev NI. [What are social sciences?]. In: Kareev NI, Chuprov AI, Vodovozov VV. *Vvedenie v izuchenie sotsial'nykh nauk. Sotsiologiya, politicheskaya ekonomiya, pravovedenie* [Introduction to the study of social sciences. Sociology, political economy, jurisprudence]. Moscow: Librokom; 2012. p. 1–5. Russian.
35. Young Ch. The emergence of sociology from political economy in the United States: 1890 to 1940. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2009;45(2):91–116. DOI: 10.1002/jhbs.20362.
36. Grigor'evskii VV, Degtrev DA, Piskunov DA, Prokhorenko IL. International political economy of ICT industry. *World Economy and International Relations*. 2023;67(3):5–19. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-5-19.
37. Veduta NI. *Ekonomicheskaya kibernetika. Ocherki po voprosam teorii* [Economic cybernetics. Essays on theoretical issues]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1971. 318 p. Russian.
38. Shabanova MA. [Socio-economics and socio-economic policy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2007;3:34–48. Russian.
39. Shcherbin VK. The combined social analysis of knowledge and value chains. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:20–41. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-20-41.
40. Radaev VV, Dobryakova MS, editors. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: avtoportrety* [Economic sociology: self-portraits]. Moscow: Izdatel'skii dom GU VShE; 2007. 487 p. Russian.
41. Gusakov VG. The country's gold fund. *Science and Innovations*. 2023;9:5–17. Russian.
42. Shcherbin VK. [Intellectual state as the ultimate goal of a scientific megaproject and as an exhibition concept]. In: Mukha DV, editor. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizatsii i perspektivy. Tom 1* [Strategy for the development of the Belarusian economy: challenges, implementation tools and prospects. Volume 1]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2023. p. 144–149. Russian.

43. Gusakov VG. [On the achievements and strategy for the development of science and technology]. In Semashko VI, editor. *II s'ezd uchenykh Respubliki Belarus'; 12–13 dekabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [2nd congress of scientists of the Republic of Belarus; 2017 December 12–13; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 37–43. Russian.
44. Danilov AN, Bezniuk DK, Bogdevich IM, Vodopianov PA, Volotovskiy ID, Zelenkov AI, et al. Modern society: new challenges and risks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;4:12–33. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
45. Perman S. *Korporatsiya shpionov: biznes-innovatsii ot izrail'skikh masterov shpionazha* [Spy corporation: business innovations from Israeli espionage masters]. Dnepropetrovsk: Balance Business Books; 2006. 224 p. Russian.
46. Akaev AA, Anufriev IE, Akaeva BA. *Avangardnye strany mira v XXI veke v usloviyakh konvergentnogo razvitiya. Dolgo-srochnoe prognozirovanie ekonomicheskogo rosta* [Vanguard countries of the world in the 21st century in conditions of convergent development. Long-term forecasting of economic growth]. Moscow: Librokom; 2013. 144 p. Russian.
47. Shultz TW. [Economics of poverty. Lecture in memory of Alfred Nobel, 1979 December 8]. In: Vantukh KA, editor. *Pre-miya shvedskogo banka pamyati Al'freda Nobelya v oblasti ekonomicheskikh nauk. Tom 2, 1978–1983* [The prize of the Swedish Bank in memory of Alfred Nobel in the field of economic sciences. Volume 2, 1978–1983]. Moscow: Fiziko-matematicheskaya literatura; 2006. p. 84–106. Russian.
48. Gokhberg LM, editor. *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie* [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2019. 82 p. Russian.
49. Ryazanov V. [From analogue to digital economy: technological determinism and economic development]. *Economist.* 2019;6:3–24. Russian.
50. Gobozov IA. Digitalization of society and deintellectualization of a person. *Philosophy and Society.* 2021;3:35–54. Russian.
51. Eskindarov MA, Maslennikov VV, Maslennikov OV. [Digital economy: risks and chances for the Russian Federation]. In: Ladyshev VV, compiler. *Osnovnye trendy razvitiya tsifrovoi ekonomiki v finansovoi sfere. Pravovye aspekty regulirovaniya i prakticheskogo primeneniya* [Main trends in the development of the digital economy in the financial sector. Legal aspects of regulation and practical application]. Moscow: Gosudarstvennaya дума; 2019. p. 23–35. Russian.
52. Ivanov VV, Malinetsky GG. Digital economy: from theory to practice. *Innovatsii.* 2017;12:3–12. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2023.
Received by editorial board 18.11.2023.